

МОЛОДНЯК МХАТ I

„Процессы актерского творчества остаются в своих природных, естественных основах теми же для новых поколений, какими они были для старых“. (К. С. Станиславский)

Звонкий хоровод «Зеленого Кольца» разомкнулся, превратившись в актерскую смену Московского Художественного театра.

Дозрев до юности, он встретился на сцене со старой гвардией МХАТ, как достигшие совершенлетия внуки со своими дедами, после разлуки.

Теперь «хоровод» играет в ее окружении, — центральные роли в «Горе от ума», «Горячем сердце», «Николае I», «Продавцах славы», в пьесе Гамсуна «У царских врат», даже в долголетнем «Царе Федоре Иоанновиче».

Театр старается влить молодую кровь своей смены в старые постановки.

Но спектакли от этого не перерождаются, требуя коренной ломки и нового истолкования.

Между «дедами» и «внуками» еще нет существенного антагонизма.

Унаследовав сценическую культуру своего мастера, молодняк МХАТ, однако, оказался в отрыве от сдвигов нашего времени.

У него бурные чувства и старые мысли. Артистическая душа и вчерашнее мироощущение.

«Дни Турбиных» сделались, пока, — его единственным спектаклем.

Станиславский играл, кажется, 20 лет назад с трогательной любовью к своему образу — полковника Вершинина. Его «внукам» было суждено сыграть роли вершининских детей: Алеша, Николка и Леночка Турбиных, отброшенных волною революции, но ту сторону ее баррикад.

Смена увлеклась Турбинными так же, как некогда увлеклась Вершининным — Станиславский.

Герои М. Булгакова стали для них не только персонажами, но и родственниками — героя А. Чехова.

В порыве юного великодушия, смена простила им все, даже то, что они противодействовали революции.

Роли защитников Булгаковских людей оказались им ближе, чем роли прокуроров. Процесс

оправдания поглотил логику мысли. Чувство критики изменило им окончательно. Смена МХАТ жила в восторженный мир опустошенных потомков чеховского полковника, не осуждая их.

Вершинин еще мечтал о прекрасной жизни, хотя бы через 200—300 лет на нашей угрюмой земле. Турбины уже ни о чем не мечтают.

Вскрывающиеся здесь внутренние противоречия убивают общественное чутье.

Смена МХАТ, конечно, приобщается к современности, но она не погружается в нее с головой, не живет в ней всей полнотой ее событий.

Переоценивает свои вехи, не изжив еще в себе своей старой психологии. Ищет ощупью новые пути, но без достаточной смелости. Овладевает лучшими ролями «стариков», но не ведет их вперед.

Смена МХАТ на перепутьи. В сомнениях и испытаниях.

В ней больше робости, чем энтузиазма. Эволюцию на театре она, пока, предпочитает революции.

*

Мы не обещаем в этом кратком очерке охарактеризовать эту смену так полно, как она этого заслуживает. Очерк лишь пролог к этюду.

Оставляя, пока, в стороне оценку режиссеров: Судакова и Вершилова, мы набросаем лишь беглые эскизы некоторых ее актрис и актеров.

Тарасова — играет роли своих «бабушек»: Книппер и Кореновой; Наталию Дмитриевну — в «Горе от ума» и Сою — в «Дяде Ване». «Я верю, я верю, что небо будет в алмазах», молится ее Соня. Нежно, душевно мягко, артистично играет молодая актриса женщин и девушек, о которых современность совсем бы забыла, если бы не увидела их, вдруг, на сцене МХАТ.

Молчанова в «Продавцах славы» и **Степанова** в той же пьесе, в ролях Софьи («Горе от ума»), княжны Милославской («Царь Федор Иоаннович»), Мери («Битва жизни»), княжны Голицыной («Николай I») — кажутся актрисами драматической напряженности. У Молчановой — склонность к мелодраме. У Степановой — к драме и трагедии. Молчанова — трогательнее, Степанова — строже. Молчанова — лиричнее Степанова — героичнее.

(ст. след.)